о сиракузанском царю о Дионисиусу, которои для великого мучительства своего таков страх в собе имел, что сам углем розъпаленым власы свое на бороде и на голове опалил, боясь ножниц и ножа мастерского.

Таково ж и Александр, фереиски царь, всегда невесело и кручиновато на сем свете жил, которои хотя и жену свою Тебу любил, но коли к неи в полату входил, всегда перед собою з голым мечем иноземцу итти велел. А напередь того двоих дворян своих, которые всегда берегли его, посылал, чтоб те дворяне все углы и все ящики в ларцах у жены его выискали для того, чтоб на него железа потаи не схоронено. Но то его великое береженье не пособило ему, потому что от тои жены своеи после убит.

Любовь подданых користна есть к целости здоровья государьского и к величеству достоиному, и к крепости, но страх злои есть сторож долъгого житья, которои приводит государеи к страшному житью с великою их неславою.

Полидорус мудрец написал о том в те слова, что не может ничто несчаслившего человеку случитца, како во время житья своего злое разуменье у подданых имети, по смерти же опять неславу и проклядство терпети. Неславно то было оному гетману лакедимонскому Лисандру, которыи всегда те слова молыл: аще где лвовою кожею соверъшити невозможно, тогды там лисею пособляти надобет, сиирече, где силою не мочно, там хитростью промышлять.

Великую опять славу и добродетель зделали то цесарю римскому Фабрициусови, до которого коли лекарь епирского царя Пируса писал грамоту, обещаючи государя своего окормом извести, толко бы ему за то заплата великая дана была. Фабрициуш цесарь не токмо к такои измене не приложился, но еще грамоту через думного своего до царя Пируса, хотя и с нем воевал, от государства римского в те слова писал: „Начаемъся того, царь Пирус, что не имеешь токоваго сщастья у себя, которым бы мочно тобе разсудити у себя, кто тебе есть праведным другом, а кто опять недругом, изменником, о чом и сам сведаешь, коли сию грамоту, от нас к тебе посланую, прочтешь и увидишь то явно, что ты сопротив добрым и[1] праведным людем воину поднесл, а на злых и неправедных советников надеешься, о чом мы не для тебя самого, но для нас извещаем, чтоб смерть твоя неправедно нас не обвинила и чтоб никто не начаялъся того, что мы тебя хитростью своею извели, не могучи тебя чесно победити“. До задержания в целости государства надобет того, чтоб не были переменные права или судебники и постановленья государьские, но еще болши цело задеръжаные того для, что перемена давных и старых вещи делает перемену в государстве. А коли б надобное дело переменити что-нибудь обычаев в государстве, того не подобает того вскоре делати, но лехким путьем того для, чтоб скорою переменою серца у подданых не смутились и чтоб за тем делом не последовал страх в государстве, потому что всякая новая вещь болши убытком государьства бывает, нежели корыстью, и за нею последует смута и мятеж в государстве. А больши того, коли те новые дела и управа, сиречь судебники, бывают постановленные не для корысти всех люди в государстве, но любо для подвышшения богатых и великих людеи, любо для пониженья убогих.

Подобает таково ж, чтоб власть приказных людеи в государстве праведная была, сиирече, чтоб в своеи мере и в постановленье остоя-

[1] *В рукописи* а.